

*Федеральное агентство по образованию РФ
Смоленский государственный университет*

РИТОРИКА ⇔ ЛИНГВИСТИКА

Сборник статей

7

Том 1

*Смоленск
2008*

СОДЕРЖАНИЕ

I

В.А. Маслова (<i>Витебск</i>) Функционирование метафоры и пословицы в современном языке	6
В.С. Картавенко (<i>Смоленск</i>) Метафоры в сфере географической и топонимической номинации ...	10
Н.Д. Кручинкина (<i>Саранск</i>) Риторические фигуры с алгоритмом переименования	14
Л.М. Ньюбина, Е.С. Тишина (<i>Смоленск</i>) Метафора в языке моды	22
С.А. Баруздина (<i>Смоленск</i>) Основные тенденции современного образа времени	32
О.Г. Прокочук (<i>Минск</i>) Редкие тропы метафорической группы в трактате Георгия Хировоска «О поэтических тропах» (VI в.)	37
Л.В. Павлова (<i>Смоленск</i>) О бледных и багряных розах Вячеслава Иванова	43
Р.В. Гуревич (<i>Смоленск</i>) Аллегория в системе художественно-эстетических взглядов В. Беньямина («Происхождение немецкой барочной драмы», 1925)	51
О.И. Гутар (<i>Гродно</i>) Творчество Эмили Дикинсон как метафорическое «письмо миру»	59
Е.В. Ларченкова (<i>Смоленск</i>) Тропы в лирике Жака Шарпантро	66
Е. Лозинская (<i>Мэриленд</i>) Юный поэт в саду Гесперид. Об одном сравнении в романе Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»	72
О.Л. Якутина (<i>Смоленск</i>) Катахреза в поэтическом сборнике Эме Сезера “La poésie”	80
Е.А. Кондратенкова (<i>Смоленск</i>) Ирония как особенность идиостиля С. Ликока	86
Ю.Н. Власова (<i>Смоленск</i>) Аккумулятивный вид грамматической метафоры и его функциональное многообразие	96

Ю.В. Иванова (<i>Смоленск</i>)	Фразеологический и метафорический компоненты отражённого жеста в произведениях Маргерит Дюрас	104
О.А. Овчинникова (<i>Смоленск</i>)	Образность как одна из тенденций в словообразовании французского аргю (на примере французских профессиональных аргю)	111
Е.А. Козельская (<i>Орёл</i>)	Образования каламбурного типа с арготическим компонентом в текстах французских «поющих поэтов»	118
Т.И. Ретинская (<i>Орёл</i>)	Приёмы создания каламбура во французских профессиональных аргю (на материале аргю музыкантов)	125

II

Е.Ю. Муратова (<i>Минск</i>)	Специфика синтагматических связей в поэтическом тексте	131
А.А. Кузнецова (<i>Красноярск</i>)	О полевой организации стилистических фигур, построенных по принципу перестановки	137
А.И. Попова (<i>Санкт-Петербург</i>)	Поэзия повтора в нестиховой лирике Анри Мишо	146
А.О. Васильченко (<i>Белгород</i>)	Виды зевгмы	152
Н.В. Толстоус (<i>Смоленск</i>)	Гомеотелевт как стилистическая универсалия	157
Л.А. Пушина (<i>Ижевск</i>)	Синтаксические маркеры диалогичности в сборнике эссе «Малая проза» Мишеля Турнье	165

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДИАЛОГИЧНОСТИ В СБОРНИКЕ ЭССЕ «МАЛАЯ ПРОЗА» МИШЕЛЯ ТУРНЬЕ

Творчество французского писателя и философа Мишеля Турнье привлекает внимание исследователей прежде всего «мифологичностью» сюжетов и образов его романов ("Лесной царь" (1970), "Метеоры" (1975), "Золотая капля" (1985) и др.), интегрирующей наследие европейской цивилизации в новом художественном пространстве [1].

Сборник эссе «Малая проза» становится объектом исследования значительно реже [2].

«Малая проза» (1986) продолжает направление философской прозы писателя, представленное в романах, но уже в иной, свободной от развернутого сюжета форме коротких текстов от первого лица – размышлений на тему или впечатлений от увиденного.

Сборник включает восемь частей (всего 61 текст): Дом *Maison*, Города *Villes*, Тело *Corps*, Дети *Enfants*, Образы *Images*, Пейзажи *Paysages*, Книги *Livres*, Смерть *Mort*. Объем частей сборника составляет от 4 до 11 текстов; объем текстов варьируется от половины страницы (Секс *Sexe*, Баниан *Le Banian*) до 18 страниц (Образ власти *L'image du pouvoir*) с преобладанием текстов небольшого объема – 2-3 страницы.

Названия частей определяют тематику входящих в них текстов. Самым наглядным примером может служить авто-Некролог писателю, завершающий цикл Смерть и сборник вообще. Помимо краткого содержания жизни и творчества писателя, здесь указаны его предпочтения относительно года смерти: Мишель Турнье (1924-2000) и текста эпитафии: «*Je t'ai adorée, tu me l'as rendu au centuple. Merci, la vie!*» (Nécrologie d'un écrivain/ Mort) [3, с. 245].

Эссе Мишеля Турнье можно рассматривать как продолжение традиции малого жанра во французской литературе, одним из основоположников которого был Шарль Бодлер. Размышления над современностью оба автора преломляют в контексте мировой истории и культуры. Открывает сборник Турнье эпитафия: *L'Ange Bizarre. Il se promène à travers le monde et rencontre des scènes banales, laides ou cruelles. Chaque fois, il touche de son aile l'un des acteurs de cette scène, laquelle devient aussitôt originale, gracieuse et douce*, – который отчасти перекликается со строчкой из стихотворений в прозе Бодлера: *Quelles bizarreries ne trouve-t-on pas dans une grande ville, quand on sait se promener et regarder?* [4] и бодлеровским замыслом: увидеть в уродливом – прекрасное.

Однако текстам Турнье свойственна более реалистическая манера изложения, интертекстуальность, метаязыковой комментарий, высокая степень информативности (точное указание времени, места, имен), открытая обращенность к читателю, то есть то, что позволяет отнести их к публицистическому стилю [5].

Художественно-публицистический жанр эссе дает возможность прямо, открыто, эмоционально выразить чувства и мысли, что обеспечивает его популярность как у журналистов, так и у писателей. И если традиционные для публицистики темы (политика, идеология, философия, культура, спорт, повседневный быт, текущие события) освещаются журналистами сквозь призму определенных политико-идеологических установок, то писатель, публикующий эссе в прессе, исходит из своих индивидуальных мировоззренческих позиций.

Под диалогичностью речи понимают выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, как соотношение смысловых позиций, учет реакций адресата, а также эксплицирование в тексте признаков собственного диалога [6, с. 45].

Диалогичность публицистического стиля речи признается его фундаментальным качеством, отражающим специфику этого функционального стиля [6, с. 135]. Журналист в целях аргументации своей позиции демонстрирует адресату ход своих мыслей, рефлексию, которые реализуются в системе разноуровневых средств-маркеров. С учетом количественных данных об употреблении маркеров диалогичности на каждом языковом уровне различают ядерные и периферийные средства, выполняющие функции репрезентации и оценки чужой речи, экспликации автодиалогичности, побуждения. К ядерным синтаксическим маркерам относят: средства передачи чужой речи; побудительные, вопросительные предложения; вопросно-ответные комплексы; обращения; конструкции устной диалогической речи; вводные слова, передающие различные виды модальности. Периферийными для публицистики являются: риторические, восклицательные предложения, вставные конструкции, вводные слова и предложения, указывающие на порядок изложения, пояснительные высказывания, разнообразные фигуры речи, разговорные элементы [6, с. 135-136].

Поскольку категория диалогичности неодинаково представлена в различных жанрах, которые отличаются количеством и «набором» средств-маркеров, соотношением ядерных и периферийных явлений, то эссе М. Турнье представляют несомненный интерес для исследования в этой области.

В статье мы рассмотрим как наиболее релевантные для сборника Турнье средства передачи чужой речи; вопросно-ответные комплексы

сы; разговорные средства, восклицательные предложения, синтаксические приемы и фигуры.

Богатство и разнообразие **средств передачи чужой речи** обусловлено тем, что эссе буквально изобилуют речью «третьих» лиц. Последние называются именами собственными и соответствующими лексемами (*on, nous, certains, un vieux Provençal, les protestations, l'auteur* и др.). В общей сложности Турнье упоминает более 90 имен писателей, философов, художников, политических деятелей. Цитирование их высказываний, мнений осуществляется посредством прямой (*Finallyment Bibesco prononce: «...»*), несобственно-прямой (*Que faire? Rester, c'était l'arrestation certaine. Fuire, c'était <...>. Il décida de rester.*), косвенной речи (*Emerson a écrit que tout gouvernement était une théocratie impure*), которая подвержена предметно-аналитической модификации (по М.М. Бахтину) (*Hegel au contraire veut la reconstruire [l'histoire] et voir en elle les étapes de l'Esprit à la conquête de lui-même; Gaston Bachelard attribuait un rôle fondamental au grenier et à la cave.*). Аналитическое обобщение при передаче чужой речи влияет и на структуру предложения – Турнье использует асиндетон (бессоюзие) сложного предложения: *Les anatomistes de la Renaissance ont sans doute été les premiers à le remarquer: l'homme nerveux ressemble à un arbre retourné.* (Maître Cerveau /Corps). Чужая речь сопровождается ссылками, указывающими на источник, и в то же время органично вплетена в авторскую речь: *Confucius compare <...>; Certains posent la question avec un tremblement d'indignation <...>; Or, l'écriture ne nous donne qu'une seule justification de ce choix <...>; Qui ne se souvient du cri de défi de Cécile Sorel <...>.*

Другие формы выражения чужой речи – это диалоги персонажей, отрывки из песен, стихотворений, отрывки из Библии, пословицы, словарные статьи слов. Все эти элементы, за исключением диалогов, выделены курсивом.

Вопросно-ответные комплексы – структурно-семантические единства, состоящие как минимум из двух предложений. В публицистике они передают внутренний диалог журналиста, напрямую обращенный к читателю, и отражают логику авторской мысли, историю поиска решений, переплетение чувств, «переживание» ситуации [6, с. 137].

У Турнье вопросно-ответные комплексы могут быть минимальными и развернутыми, занимают «сильные» текстовые позиции – начало текста или смысловой части, отвечая за движение темы. Они передают косвенную речь, имитируя возможный диалог двух персонажей: *Le temps de mistral, un mauvais temps? Allons donc! Comment le mauvais temps pourrait-il être ensoleillé? Pour les gens du Nord, qui dit mauvais temps dit nuages et pluie.* (Seigneur Mistral/ Paysages); диалог

автора с участником реальной ситуации общения: *Accepterais-je de lui donner un rendez-vous? J'acceptai, je donnai* (Le portrait-nu/ Images); по лемику с мнением другого человека: *Marcher au pas? Je l'ai assez fait dans mon enfance*. (Mon oeuf et moi/ Corps), с общественным мнением: *Destruction? Oui, mais liberté nouvelle, création, humour et beauté* (Le crépuscule des masques/ Corps). Последний пример демонстрирует употребление конструкций устной диалогической речи со словом-предложением *да, нет*. Вопросно-ответные комплексы – это также прием, используемый Турнье для того, чтобы обозначить тему исследования и тут же приступить к ее решению: *A-t-on jamais examiné d'assez près cette étrange maladie de l'âme qui s'appelle l'ennui? Il est bien remarquable qu'elle s'attaque avec prédilection aux êtres jeunes. <...> Pourquoi l'adulte se trouve-t-il généralement à l'abri de ce vertige insipide et dangereux? Sans doute parce que sa vie quotidienne est pleine d'appels, de réquisitions, d'urgences... Et aussi parce que les mailles de son temps sont plus lâches...* (L'aquarium/ Enfants). Это, как правило, те вопросы, которые возникают в культуре и обществе: *Un homme politique doit-il être beau?, Règne-t-on innocemment?* (L'image du pouvoir/ Images). Особый интерес представляет эссе под названием «Ответ» (Réponse/ Livres), которое действительно дает развернутый ответ на один из вечных вопросов, задаваемых писателям: *Pourquoi écrivez-vous?*

Разговорные средства еще больше приближают внутренний авторский диалог к читателю. Довольно частотно употребление фразеологизмов: *avoir le coeur net, rester les deux pieds dans le même sabot, dévorer à belles dents, être vert de peur, se tenir à carreaux, balancer pardessus bord*; предложений с презентативами: *C'est un maître du second degré; Il y a la beauté, il y a la grâce, il y a le charme*; односоставных предложений: *Au restaurant avec Daniel W.; Savoir maîtriser cet outil indispensable et tyrannique.; Mauvaise saison.; 25 mars, Annonciation.; Ombre.; La Méditerranée*, модальных слов со значением согласия, подтверждения, аккорда: *décidément; en effet; il est vrai que; sans doute; certes; d'accord, mais*.

Восклицательный синтаксис – одно из наиболее употребительных явлений в сборнике. Он имеет как логическое значение – выражение утверждения сказанного ранее: *Oui, les vertus du froid et de l'effort!* (Le froid et ses vertus/ Paysages), так и эмоциональное: *Comme je comprends bien cela!; Quel paradoxe!* (Quand les mains savent lire/ Livres), эмоционально-оценочное: *Ce gosse, quel idiot! Non mais, tu vois ça, taman au concours de beauté!* (Les fiancés de la plage/ Enfants); *Rebutante et revigorante Normandie!* (Vue de Normandie/ Paysages), иногда переходящее в крик: *Ce nom de Bazar accolé à celui de Charité! Le Nom terrible et brûlant de Dieu*

réduit à la condition de génitif de cet immonde vocable!!! (Douceurs et colères des éléments/ Paysages). Восклицательные номинативные и императивные предложения выполняют функцию побуждения: *Place donc aux photographes!* (L'image du pouvoir); *Saluons la nouvelle Eve de l'AN 2000!* (Le crépuscule des masques). Восклицательные в противоположность вопросительным предложениям завершают смысловые части и текст, ставя яркий знак утверждения вышесказанного. Наряду с авторской, они могут также транслировать и чужую речь (мама – ребенку): *Ne touche pas!* (Toucher/ Enfants), или пример из эссе «Les fiancés de la plage».

Как уже сказано выше, **синтаксические фигуры** являются периферийными средствами выражения диалогичности, то есть это значение в языке за ними не закреплено, но они могут быть использованы для реализации диалогических отношений, выполняя функцию выражения авторской смысловой позиции или активизации мышления и фантазии читателя. По всей видимости, наиболее ориентированными на диалог являются асимметричные синтаксические фигуры (классификация Э.М. Береговской): инверсия, риторический вопрос, эллипсис, фигура умолчания, сегментация, парцелляция [7, с. 199]. Так, по замечанию А.П. Сковородникова, доля парцеллированных конструкций возрастает в текстах диалогического характера [8, с. 41].

Надо сказать, что все асимметричные фигуры ярко представлены в исследуемом произведении, занимают «сильные» текстовые позиции и взаимодействуют друг с другом. Например, риторический вопрос: *Y a-t-il un autre artiste [Dürer] qui non content de ses autoportraits ait réalisé également plusieurs autonomes?* (Nuremberg 1971/ Villes), имеет эмфатическое построение (*un artiste qui...*), содержит инверсию группы *non content de ses autoportraits*, в которой опущен глагол-связка *être* (эллипсис) и логический коннектор причины (бессоюзие).

У Турнье особого внимания заслуживают фигура умолчания, – при которой фраза резко обрывается многоточием и передает торжественное: *Or ce toit, ces arbres portaient en eux cinquante ans de vie humaine...* (Cinq jours.../ Villes), или ироническое отношение автора: *Oui, un homme politique doit être beau, <...>, et non seulement beau, mais sympathique, rassurant, chaleureux...* (L'image du pouvoir); parenthèse [9, с. 453], – при которой синтаксическая связь в предложении разорвана вставляемым компонентом уточняющего: *Il faut attendre la Renaissance – et singulièrement le Flamand André Vésale – pour que soit transgressé l'interdit qui frappait la dissection humaine.* (Eloge de la chair dolente/ Corps), или образного значения: *Les souvenirs – comme les plantes – «prennent» dans certains terres, dépérissent et disparaissent dans*

d'autres. (Vue de Normandie). Обе фигуры служат также для резкой смены темы и тональности в тексте.

Но наибольший интерес, и по частотности, и по характеру употребления, представляет прием парцелляции, который, по определению В.Г. Гака, оформляет одно высказывание в ряде интонационно обособленных отрезков, когда к базовой структуре (основному сообщению) в результате развития мысли присоединяется парцеллят (дополнительный элемент) [10, с. 775].

В исследуемом произведении мы обнаружили три структурные разновидности парцелляции, выделенные В.Г. Гаком, а именно:

1) Парцелляция в пределах структуры простого предложения: *Jérusalem, en inaugurant la Foire du Livre, j'ai découvert deux romans de moi en hébreu, Le Roi des Aulnes et Vendredi. Réduits de moitié, <...>* (De Jérusalem à Nuremberg/ Villes). Парцеллят, как правило, повторяет слово базовой структуры. *Je dis: il y a des oiseaux dans mon lit. Des oiseaux ou des chauves-souris.* (Nocturne/ Maison); *Parfois j'entends un bruit de bêche. Bruit métaphysique: c'est le fossoyeur qui creuse.* (Le chat et la tortue/ Maison), что сопряжено с другой синтаксической фигурой – анадиплозисом.

2) Парцелляция в пределах структуры сложного предложения, когда парцеллят начинается с союза или модального слова. В этом случае связь парцеллята с базовой структурой менее обязательна: *Ils étaient les premiers, Adam et Eve en somme. Mais tout était à faire.* (Cinq jours...); *Il avait aussi connu les derniers nuages de sauterelles. Etrangement, c'était surtout le bruit de ces deux fléaux qui avait marqué sa mémoire, <...>* (Un dîner à Tanger/ Villes). Выделение ставит в ударную позицию и актуализирует семантику служебного слова.

3) В третьем случае, парцеллят не соотносится структурно ни с каким элементом базовой структуры. Он образуется вследствие эллипсиса глагола общего значения (с'est, il y a и др.) и представлен односоставным предложением: *Ce sont d'innombrables petits papillons d'argent qui butinent des fleurettes dans la lumière lunaire. Surprise.* (Cinq jours...); *C'est ce qu'on appelle un puisard. Définition du dictionnaire: égot vertical sans écoulement.* (Bas-fonds/ Maison).

Для усиления стилистического эффекта этот прием получает графическое обособление, автор переносит парцеллят в начало следующего абзаца:

Un jour, j'aurai une femme.

Et ma femme ayant un an, je suivrai, les bras tendus, ses premiers pas lourdauds et mal assurés de château branlant <...> (Un jour, une femme/ Enfants). Парцелляция подчеркивает эффект неожиданности от

именования ребенка словом «женщина». Далее *ma femme* в качестве анафорического повтора открывает три следующих абзаца, выполняя структурообразующую функцию в тексте.

Особенность использования парцелляции в сборнике «Малая проза» Турнье заключается еще и в том, что автор разворачивает цепочку парцеллятов на большие текстовые объемы.

Парцелляция в сборнике является не только эффективным способом логического выделения, но имеет и интонационное, и эмоциональное значение. Она разрывает плавное и монотонное течение мысли и мелодики предложения, побуждая читателя к со-творчеству, о котором Турнье говорит в том самом «Ответе» на вопрос: *Pourquoi écrivez-vous?: Il y a pour moi double joie: celle de créer et celle de susciter une cocréation chez mes lecteurs (Réponse)*.

В заключение отметим, что категория диалогичности в книге «Малая проза» М. Турнье имеет свои отличительные особенности. В ней в меньшей степени представлена необходимая в публицистике функция оценки чужой речи, но скорее анализ, свойственный для научной речи. Более выражены информационная функция (научная речь) и эстетическая функция (художественная речь), а функция воздействия имеет «приглушенный» и опосредованный характер за счет того, что реализуется в приемах экспрессивного синтаксиса.

-
1. См., например: Моттирони Е.Е. Проблема мифа в романах Мишеля Турнье. АКД. – М., 2001; Смирнов А.С. Мифологическая структура и принципы фуги в романе Мишеля Турнье «Лесной царь»// Литературные связи и литературный процесс. Материалы конф. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1992; Bouloumie A. Michel Tournier. Le roman mythologique. – Paris: José Corti, 1988; Pezechkian-Weinberg P. Michel Tournier. Marginalité et création. – New York: Peter Lang, 1998.
 2. См.: Ермоленко Г.Н. Жанровые параметры малой прозы М. Турнье// Литература XX века: Итоги и перспективы изучения. Вторые Андреевские чтения. – М., 2004; Ермоленко Г.Н. Коммуникативная интенция и ее структурообразующая функция в публицистике М. Турнье// Художественный текст и текст в массовых коммуникациях-2. Материалы конф. – Смоленск: СПГУ, 2005. Ч.2.
 3. Tournier M. Petites proses. – P, 1986.
 4. Baudelaire C. Les paradis artificiels. Le spleen de Paris. – P., 1995. С. 130.

5. Солганик Г.Я. Публицистический стиль// Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003. С. 312-315; Майданова Л.М., Дускаева Л.Р. Жанры публицистического стиля // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003. С. 79-88.
6. Дускаева Л.Р. Диалогичность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003; Дускаева Л.Р. Диалогичность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.
7. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. – М., 2004.
8. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981.
9. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Синтаксическая фигура// Стилистический энциклопедический словарь русского языка/ Под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.
10. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000.